

Раздел I

Наука и общество. Закономерности развития экономической системы

1. Экономика и политическая экономия как наука

Экономика — жизненная основа любого общества, его материальный фундамент. Изучение ее имеет первостепенное значение и ведется по многим направлениям, важнейшим из которых является **политическая экономия**. Она входит в небольшой круг обязательных наук, формирующих высшее образование. Политическая экономия ориентирует всех обучающихся в системе социально-экономических, общественных отношений. Эта ориентация необходима всем — врачу и педагогу, агроному и летчику, инженеру и офицеру, выпускнику консерватории и академии искусств, тем более экономисту и юристу. Без нее, как незаменимого ориентира, не может обойтись ни историк, ни политик. Она, таким образом, — неотъемлемый элемент и атрибут общей грамотности современного высоко-квалифицированного специалиста в полномесном значении этого слова.

Политическая экономия сочетает в себе творческую юность, исследовательский задор к углубленному познанию структурных элементов общества, степени прочности его экономического фундамента и накопленной веками мудрости поколений, воплощенных в устойчивых социальных формах экономического прогресса, многочисленных трудах ученых, отмеченных историей и экономической жизнью.

1.1. Формирование экономических знаний в процессе развития общества.

Возникновение политической экономии

Материальное производство определяет условия жизни общества на всех ступенях развития человечества. Это общеизвестное положение включает в себя целесообразную организацию деятельности людей по добыванию необходимого разнообразия средств для своей повседневной физической жизни. Все, что обеспечивает материальные условия существования людей, общества, называют обычно экономикой. Это очень широкое понятие, охватывающее социально-экономическую структуру общества, характеристику его производственных, материальных связей, объединяющих людей в общество, отраслевую структуру народного хозяйства и научные представления о его важнейших отраслях. Представления эти люди добывают в непосредственном процессе производства и общения между собой, передают из поколения в поколение с помощью не только обогащавшегося новыми понятиями словарного запаса, но и используя все возникавшие социальные организационные формы — племя, род, семья, государство и создаваемые им учреждения, вплоть до ученичества, ремесленных и других школ различного рода и ранга, учебных заведений.

Вместе с развитием общественного производства, формированием его более совершенной и современной структуры в различных странах, развивались и люди, общество в целом, а вместе с ними углублялись и развивались знания в области экономики, “высвечивая” различные стороны этого усложняющегося организма — орудия производства, сырье, технологию, организацию труда и производства, экономические связи между агентами производства внутри страны и между государствами и народами. Накопление экономических знаний фиксировалось не только в материальных условиях производства, особенно орудиях производства и изделиях тех далеких времен, но и в различных письменных документах — в указах и законах царей и королей, трактатах ученых, а также в правовых, исторических и литературно-художественных произведениях прошлого различных стран и народов. У К. Маркса были все основания сказать в середине XIX

века, что в научном отношении политическая экономия “никоим образом не начинается только там, где о ней как таковой идет речь” (Маркс, 1950, 220).

Возрастающие потребности в экономических знаниях великий оратор древности Марк Тулий Цицерон (106 — 43 гг. до н. э.) выразил так: нужна наука, которая учила бы “правильно жить”, т.е. открывала бы людям правила, законы, знание и использование которых давало бы им ощутимое удовлетворение, вознаграждение наиболее плодотворными результатами по сравнению с теми, кто живет не по этим правилам, неправильно.

Стремление отыскать, открыть такие правила (которые, чувствовалось, были тут же, в обществе, людях, занятых производственной и общественной деятельностью) побуждало государственных деятелей различных рангов, коммерсантов и банкиров, ученых, вообще очень многих представителей различных отраслей знаний, включая религиозных деятелей, приложить к этому ум и способности, зафиксировать свое видение экономических проблем общества, когда они выступали еще в слишком общем, не расчлененном по отраслям экономических знаний виде, и когда каждая из современных экономических наук не определила, не очертила свой предмет исследований, свое поле для аналитической, умственной обработки. Название и предмет наук еще не выкристаллизовались, не определились направления исследований. Поиски ответов на возникавшие вопросы требовали уточнения и изучения их. Таков, собственно, путь появления и становления любой науки. Ведь люди долгое время выражали свои мысли словами, прежде чем появилась наука о лексическом и грамматическом строе того или другого языка.

Так и в области экономических знаний. Задолго до появления политической экономии как науки в различных государствах проводилась та или иная экономическая политика (в которой содержались экономические знания). Об этом свидетельствуют различные исторические документы, относящиеся к глубокой древности. Так, в Месопотамии возникшее старовавилонское государство со столицей в г. Вавилоне стало в XVIII в. до н. э. сильным и экономически развитым государством, процветанию которого содействовала экономическая политика царя Хаммурапи (1792 — 1750 гг. до н. э.).

В законах царя Хаммурапи наряду с сохранившимися общинными отношениями получила правовую поддержку земельная собственность рабовладельцев, а также мелкие крестьянские и ремесленные хозяйства (которые составляли подавляющее большинство), владевшие средствами производства. Получали распространение условные наделы, которыми награждал царь за службу. Этими наделами владельцы пользовались, пока служили царю, но имели право передавать их в наследство, что упрочивало положение наследника как собственника. Шел интенсивный процесс превращения общинного строя в рабовладельческий.

Бегство из общины осуждалось, и жена беглеца освобождалась от брака. Раб признавался полной собственностью своего господина. Допускалась продажа раба, а его убийство или нанесенные ему телесные повреждения не считались уголовным преступлением. Торговля в кодексе Хаммурапи — устоявшееся, обыденное явление. Требовалось договорное оформление торговых сделок. Регулировалась продажа домов, скота, рабов, аренда недвижимости с установлением нормы арендной платы. Наемный труд считался нормальным явлением, ибо имел известное распространение.

Процесс интенсивного разрушения родовой общины и утверждения частной собственности и рабства зафиксировали и “Законы 12 таблиц” V в. до н. э. (451 — 450 гг.) в Римском государстве. Они провозгласили свободу завещания имущества наследникам. Шел ускоряющийся процесс расхищения общинных земель. Общинный строй разрушался развитием рабства, которому “Законы 12 таблиц” оказывали правовую поддержку. В рабов превращались не только военнопленные, но и должники. Долговая кабала была

весьма жестокой. Неоплатных должников "Таблицы" разрешали заковывать в кандалы, продавать и даже казнить.

Слово "экономия" ("экономика") становилось все более часто употребляемым, превращаясь в актуальное понятие. Оно греческого происхождения. В нем (ойкономия) слиты воедино слова "ойкос" — дом, хозяйство и "номос" — правило, закон. "Экономия" или "Экономика", названо и сочинение Ксенофонта (430 — 354 гг. до н. э.), в котором известный греческий автор в диалогической форме говорит о правилах (или законах) ведения домашнего хозяйства. Заметим, что и словом "Политика" названо известное сочинение великого мыслителя Греции Аристотеля. Оно в переводе с греческого означает "общественное устройство". От слова "экономия" образовались в процессе развития общества такие слова, как "экономика", "эконом", "экономист". В "Словаре русского языка" С. И. Ожегова одно из трех значений слова "экономия" (с пометкой устаревшее) звучит так: крупное помещичье хозяйство капиталистического типа. Понятия "экономика", "экономия", пришедшие в политэкономия из греческого языка, не сводились к законам домашнего хозяйства в нынешнем понимании его, когда оно представляется иногда чуть ли не кухонным, внутриквартирным или мелким подсобным крестьянским хозяйством. Речь шла о крупном, включая государственное, в то время основанном на рабском труде хозяйстве.

Основной отраслью экономики было сельское хозяйство, "естественное производство". Его развитию были посвящены вошедшие в историю трактаты различных авторов. Среди них следует отметить "Земледелие" римского консула Катона старшего (234 — 149 гг. до н. э.) и "О сельском хозяйстве" римского ученого М. Т. Варрона (116 — 27 гг. до н. э.). В них шла речь об интенсификации производства в этой жизненно важной отрасли (вплоть до рекомендаций по набору выращиваемых культур), с использованием труда рабов. По расчетам Катона, для 240 югеров (60 га) оливковых насаждений требовалось 13 рабов, а для 100 югеров виноградника — 16. Катон считал, что рабы должны работать или спать, что у них не должно быть никакого свободного времени, чтобы не появлялись "дурные мысли". Варрон рассматривал рабов как "говорящие орудия" в отличие от "немых" (телеги) и "мычащих" (волы). Как один, так и другой не могли представить себе латифундию или виллу без рабов. Не мог представить себе экономическую жизнь без рабов и Аристотель — "величайший мыслитель древности".

Значительный интерес представляет и распространение экономических знаний, добытых в одних странах, в других — своеобразный обмен опытом экономической жизни через книги. В этом отношении значительный интерес представляют (в древнерусском переводе с греческого) византийские "Законы земледельческие", или "Земледельческий устав". В них подробно рассматриваются хозяйственные отношения между землевладельцами (включая предложения, как поступать в случае столкновений их интересов); оговорены условия и степень ответственности лица, виновного в нарушении хозяйственных интересов другого, — не соблюдение соседом межи обрабатываемого участка, самовольный засев чужой земли, при споре двух сел о меже и т. д.; определен порядок обмена пахотными участками на время или навсегда, а также условия пользования чужим участком пахотной земли (десятый сноп и исполу), ответственность виновных за кражу плуга, лемеха, жита и других продуктов, за различные виды ущерба хозяйству другого и т. д. (История русской экономической мысли, т. 1, ч. 1, 82).

В различных документах, таким образом, экономические знания выступали в общем, нерасчлененном виде. И когда в фокусе внимания было, к примеру, сельское хозяйство, просматривался и политико-экономический аспект, использовались экономические понятия, характеризующие отношения между людьми, собственниками хозяйства в их взаимодействии в общественном процессе производства. Накопление

подобного рода знаний должно было достигнуть такой “критической массы”, которая требовала обособления от технико-технологических проблем, сугубо производительной деятельности людей в различных странах и сферах приложения труда. В накоплении экономических знаний приняли участие мыслящие представители различных слоев общества, среди которых – государственные деятели (А. Тюрго, И. Л. Хрептович), врачи (У. Петти, Б. Мандевиль, Ф. Кенэ), философы (Т. Гоббс, Дж. Локк, Д. Юм), коммерсанты, поднимавшиеся до государственной деятельности (Т. Ман, Д. Ло, Т. Буагильбер), лица духовного звания (Ф. Галиани, Дж. Такер, Т. Мальтус). Накопившиеся экономические знания встречались поэтому и в сочинениях религиозного характера, включая Библию.

И только в 1615 г. появилось экономическое сочинение, в котором обозначено имя науки — политическая экономия. Это “Трактат политической экономии” небогатого французского дворянина, известного в то время писателя Антуана де Монкретьена, видного представителя меркантилизма. В своем “Трактате” Монкретьен старался убедить государственную власть помогать купцам и предпринимателям защищать свою, отечественную промышленность путем введения высоких пошлин на ввозимые во Францию товары и содействовать, таким образом, развитию национального производства. Монкретьен мыслил хозяйство не в узком “домашнем масштабе”, а в масштабе всей страны под государственным управлением. Он призывал правительство оказывать покровительство ремесленникам, промышленникам и купцам, больше внимания уделять внешней торговле, особенно вывозу товаров. Автор “Трактата” подошел к пониманию важности форм экономических связей между структурными звеньями экономики, которые (формы) станут понятиями, выражающими соответствующие экономические отношения политической экономии.

Великий англичанин, сэр У. Петти (1623 – 1682) в своем “Трактате о налогах и сборах” (1662 г.) ведет речь об источниках доходов государства, которые нужно иметь, чтобы покрывать различные виды растущих государственных расходов. Отметим также появление в 1707 г. работы Пьера Буагильбера (1646 – 1714) “Рассуждение о природе богатства, денег и податей”. Добавим к этому, что научные поиски того времени концентрируются, взаимосвязаны с понятиями “рассуждение”, исследование: налогов, доходов, богатства, в том числе природные богатства. Все яснее и четче вырисовывается социально-экономический аспект научных поисков, и ответы все чаще находились именно в этом слое экономики. Весьма заметное влияние меркантилизма в начале пути исканий У. Петти постепенно исчезает по мере углубления в исследования экономических проблем. Нельзя не заметить, что в двух последующих его работах, названных “Политическая анатомия Ирландии” (1672 г.) и “Политическая арифметика” (1683 г.), с читателем беседует не профессор анатомии (У. Петти получил медицинское образование в университетах Лондона, Парижа и Оксфорда и обладал разносторонними способностями — в 1647 г. изобрел копировальную машину, в 1649 г. получил степень доктора физики и музыки), а оригинальный экономист-исследователь. Зачинатель классической буржуазной политической экономии У. Петти в отличие от своих предшественников-меркантилистов источником богатства считал производство товаров. Он — зачинатель трудовой теории стоимости, которая различала политическую и естественную цену, зависящую от рыночной конъюнктуры в первом случае (политическая цена) и от количества труда, воплощенного в товаре (естественная цена) — во втором. У. Петти внес значительный вклад и в разработку метода экономических исследований. Он считается отцом экономической статистики. А небольшую его работу “Кое-что о деньгах” (1682 г.) К. Маркс ценил “как настоящий шедевр по содержанию и по форме”, а самого автора как “гениальнейшего и оригинальнейшего исследователя-экономиста” (Маркс, Энгельс, т. 20, 243).

Очевидно, нет необходимости здесь проследить развитие экономической теории в последующем. В этом направлении много сделано не только К. Марксом в «Теориях прибавочной стоимости», образовавших четвертый том «Капитала» (см.: Маркс, Энгельс, т. 26, ч. 1 — 3), и в книгах по истории экономической мысли различных авторов (включая переведенные на русский язык работы М. Блауга и Б. Селигмена), среди которых можно отметить небольшую по объему, но хорошо прослеживающую развитие экономической мысли до Маркса «Юность науки» А. В. Аникина, вышедшую в Москве в 1975 г. вторым изданием. Таким образом исследование экономических проблем жизни общества непрерывно расширялось, охватывая не только различные страны и народы, но и выявляя все более широкий круг проблем, постановки и решения важнейших задач.

За многие столетия экономическая наука накопила большой объем знаний, обогащение которых требовало не только более четкой специализации, но и перехода на более высокий теоретический уровень и более совершенный метод познания явлений экономической жизни, что позволило бы разбросанные по всему экономическому горизонту островки знания, (зачастую достигавшие поразительных высот) свести в целостную систему, раскрывающую взаимодействие структурных элементов экономики в реальной действительности, и определить тенденцию ее движения в целом. Эта задача во весь рост встала перед английской классической школой буржуазной политэкономии, и заслуга в ее решении по праву принадлежит двум воистину великим экономистам XVIII — начала XIX в. — Адаму Смиту (1723 — 1790) и Давиду Рикардо (1772 — 1823).

Выделяется оригинальная по замыслу и доходчивому освещению насущнейших экономических проблем, глубине и убедительно доказательной силе фундаментальная работа «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776 г.) А. Смита. В центре внимания природа и причины богатства любого современного ему народа, любой страны, т. е. во главу угла ставятся политико-экономические проблемы в их взаимосвязи, взаимодействии, в системе. Величие Смита в созвездии светлых умов политической экономии как науки светоносной состоит именно в том, что он создал систему политико-экономических знаний пришедшего к политическому господству в ряде стран промышленного капитализма, сформулировал экономические законы жизнедеятельности этого строя. Характерно, что как понятийный аппарат, так и закономерности движения, выраженные в этих понятиях, категориях производственных отношений вводятся в текст работы спокойно, как само собой разумеющееся и очевидное, «списанное», «снятое» с действительности. Читатель, более или менее знакомый с экономической литературой до «Богатства народов», воспринимает и совершенно новое как уже известное, как следствие может быть более разумного, более удачного оформления мысли языком автора. Это, пожалуй, характерное свойство действительно великого произведения в любой отрасли знаний — спокойное отражение явлений как свойство закона, проявившегося в жизни, в умах исследователей, вписавших их соком своих нервов в науку. Здесь, кажется, можно сказать словами Аристотеля из его «Никомаховой этики»: «Искусству случай мил — искусство случаю». В процессе научного познания такое состояние бывает лишь в тех редких случаях, когда наука из долгих и трудных исканий, разочарований и успехов поднимается на новую, выстраданную поисками ступень познания, благодаря чему видит свое поле исследований шире, глубже и полнее.

Известный английский буржуазный экономист второй половины XIX в. Альфред Маршалл (1842 — 1924) характеризовал главный труд А. Смита как такой, в котором ему удалось «собрать воедино и развить соображения его французских и английских современников и предшественников о стоимости» (Аникин, 1975, 209).

Со Смита политическая экономия заговорила современным языком, выступила со своим арсеналом понятий. Смит поставил политико-экономические акценты на широко вошедших в обиход среди экономистов понятиях: «богатство», «товар», «труд», «цена», «деньги», «заработная плата», «прибыль», «капитал» и т. п.

Под богатством у А. Смита подразумевается не количество материальных благ, имеющих у того или другого народа. Оно характеризуется качественно через его сугубо товарную форму, доступную взору каждого как скопление товаров. А это означает, что речь идет не о богатстве материальных благ вообще, а лишь общественно признанных в его специфически буржуазной форме — товаров. Это избавляет Смита от хождения, блуждания по тупиковым лабиринтам анализа богатства по материально-вещественному признаку. В фокусе его внимания мир товаров во всем его растущем многообразии в связи с неудержимо развивающимся разделением труда. С чего начинается история возникновения и развития товара, с того начинается и теоретическое исследование природы и причин богатства народов — с разделения труда. Товары создаются не в каких-то и кем-то избранных отраслях (например, только в сельском хозяйстве, как считали физиократы), а во взаимосвязанных его частях — отраслях хозяйства. Товар создается трудом вообще, всяким человеческим трудом, который общество признает в процессе обмена, купли-продажи произведенных им продуктов. Основное в успешном развитии производства или росте богатства состоит в свободном обмене своими изделиями между товаропроизводителями. Никому не следует вмешиваться в этот процесс, который должен идти своим ходом. «Laissez faire, laissez passer» (В переводе с французского — пусть дела идут своим чередом, своим ходом.) — вот кредо всей классической школы буржуазной политической экономии. Государство не должно вмешиваться в экономическую жизнь — ему А. Смит отводил роль ночного сторожа. Лучшее рынка никто не сделает. Это — «невидимая рука» А. Смита.

Капитал всесторонне развивает рынок и использует его для своего роста. Поэтому дайте неограниченную свободу капиталу, и он сделает свое дело. А. Смит считал решающим фактором экономического прогресса накопление капитала, в котором он видел ключ к богатству нации. Оно будет тем больше, чем выше норма накопления, чем значительнее развитие производства, чем шире участие людей в производстве. Он призывал стремиться свести к минимуму часть населения, не занимающуюся производительным трудом, который должен поощряться экономически. Смит выступал за высокую оплату работников наемного труда, ибо общество не может процветать, если значительная часть его бедна и несчастна. Однако в этих «светлых мыслях» А. Смит не проявлял последовательности, как, впрочем, и в других весьма важных положениях. В «Богатстве народов» он говорит, что законы производства («естественные законы») обрекают рабочих на низшее положение в обществе, да и рабочие не способны уразуметь связь своих интересов с интересами общества и понять это свое положение (Смит, 1962, 194).

Экономическая мысль и экономические знания получили дальнейшее свое развитие и распространение в трудах другого классика буржуазной политической экономии — Давида Рикардо. Вышедший в 1817 г. его труд «Начала политической экономии и налогового обложения» до сих пор актуален, вызывает интерес в среде читателей различных экономических школ. С Рикардо во всем мире начало интенсивно внедряться экономическое образование в процесс обучения студентов университетов, высшей школы, особенно коммерческих учебных заведений. Д. Рикардо, пожалуй, первым высоко оценил выдающийся вклад А. Смита в политическую экономию и не остался простым хранителем достигнутых своим предшественником высот или регистратором его вклада в науку, а поднялся значительно выше в раскрытии сущности стоимости и стоимостных категорий, укрепляя одновременно методологический фундамент всей

системы научных знаний в области политической экономии. Он был значительно строже А. Смита в теоретическом описании экономических явлений, глубже проникал в их сущность.

В предисловии к первому изданию своего основного труда «Начала политической экономии и налогового обложения» он писал: «Как ни обогатили науку исследования Тюрго, Стюарта, Смита, Сэя, Сисмонди и других, все-таки объяснения, которые они дают относительно естественного движения ренты, прибыли и заработной платы, весьма мало удовлетворительны» (подчеркнуто мной. — С.Я.) (Рикардо, 1955, 30).

Так, в первой четверти XIX в. в России политическая экономия была в моде, писал в 1829 г. А. С. Пушкин. В Московском университете преподавание экономических наук, в числе которых была и политическая экономия, началось с 1804 г. В том же году была учреждена должность профессора политической экономии и дипломатии, которую занял автор книги «Начальное основание государственного хозяйства» (Х. Шлейдер). Появилось и учебное пособие по политической экономии (Л. А. Цветаева) для начинающих учиться этой науке. Потребности в расширяющемся изучении экономической теории привели к созданию в 1835 году кафедры политической экономии и статистики МГУ. В старейшем в России Вильнюсском университете преподавание политической экономии началось в 1780-е гг. В России преподавание политической экономии началось раньше, чем в Англии. Кадры преподавателей политэкономии готовят в Московском университете с конца 1941 г., когда был открыт экономический факультет. Позже, используя опыт МГУ, были открыты отделения политической экономии в Ленинградском, Киевском и др. университетах, в т. ч. с 1965 г. в Белорусском государственном университете.

Не удовлетворяло Рикардо и освещение проблем товарного производства у А. Смита, который видел мир товаров, не углубляясь в мир товара. В «Богатстве народов» А. Смит пишет о товарах, цене товаров и ценах товаров, рыночной цене товаров как выражении их стоимости, определяемой трудом. Но когда он пытался применить этот постулат к современному ему промышленному капитализму, положение выглядело иначе: товары, в которых было воплощено много труда, продавались по такой же примерно цене, как и те, которые создавались сравнительно малым, но технически высоко оснащенным трудом. Другими словами, у равновеликих капиталов цены товаров были примерно равны. В этих случаях, чтобы согласовать теорию с действительностью, Смит пришел к определению стоимости товаров суммой заработной платы, прибыли и ренты.

Д. Рикардо четко и последовательно поправляет А. Смита: «Стоимость товара, или количество какого-либо другого товара, на которое он обменивается, зависит от относительного количества труда, которое необходимо для его производства (подчеркнуто мной — С. Я.), а не большего или меньшего вознаграждения, которое уплачивается за этот труд» (Рикардо, 1955, 33). У него, таким образом, действие закона стоимости проходит через весь капитализм, включая современную ему ступень промышленного капитала. Но Рикардо творил на том этапе развития этого строя, когда противоречия последнего не вышли на поверхность, не стали еще сотрясать общество до основания, что послужило благоприятным политическим фоном для «беспристрастного исследования», выражаясь языком К. Маркса. Рикардо, уделивший большое внимание распределительным отношениям, заметил, что заработная плата рабочих и прибыль капиталистов движутся в противоположных направлениях, ибо они делят между собой одну и ту же созданную трудом рабочих стоимость. Капиталист получит большую часть этой стоимости, если меньше достанется рабочему. В дележе неизбежна борьба между ними, но она еще не стала явной, не стала элементом экономической и политической жизни.

Д. Рикардо, много внимания уделивший теории денег и денежного обращения, не видел связанных с деньгами противоречий товарного производства, заминки в обращении товаров рассматривал как частные и временные, ибо каждый товар (товаропроизводитель) ведет за собой покупателя, считал капитализм самым справедливым и вечным строем. Но он немногим больше года не дожил до первого экономического кризиса перепроизводства в Англии (умер в сентябре 1823 г., кризис разразился в 1825 г.). Отдавая дань глубокого уважения Рикардо как гению классической школы, одному из лучших ее первопроходцев, необходимо заметить, что не в этих (названных выше) внешних для него событиях заключалась причина кризиса буржуазной политэкономии после его смерти.

Она коренилась в самом основании этой школы, ее теории и методологии. Положив в основу трудовую теорию стоимости, она даже в лице своих лучших представителей не смогла последовательно провести через всю совокупность производственных отношений ее фундаментальные положения, высветить внутреннюю систему жизнеобеспечения капиталистического строя действием закона стоимости, дать логически непротиворечивое ее изложение и толкование. Объясняя многие поверхностные формы буржуазных экономических отношений, анализируя количественные зависимости, она не ощущала потребности проникновения в их внутренний мир, внутреннюю сущность, что не позволило показать, как и почему они должны неизбежно изменяться, одни формы в процессе развития превращаться в другие. Окрыленная приходом к политической власти буржуазии политическая экономия торжествовала, воспевая экономическое господство промышленного капитала, и пророчила ему вечность. Это была политическая экономия капитала.

Но капитал — не вещь, а отношение между капиталистами и наемными рабочими. Стало быть, для полноты раскрытия экономических проблем капитала, перспектив, тенденций его развития необходимо его освещение и со стороны, с позиций рабочего класса, нужна политическая экономия труда. Нельзя сказать, что трудовая теория стоимости классической буржуазной политэкономии вовсе не замечала или игнорировала труд (рабочий класс), но она смотрела на него со стороны класса капиталистов, с позиций капитала. С этих же позиций невозможно что-либо существенное увидеть, что-либо вразумительное добавить в трудовую теорию стоимости.

Образовался, таким образом, существенный пробел в теоретическом анализе капитала и в самой теории трудовой стоимости, а значит, в историческом процессе формирования экономических знаний, в развитии политической экономии.

Слабость английской классической школы политической экономии была в том, что она подвергала анализу экономическую жизнь капитала, как она видится с поверхности, те ее формы, которые очевидны каждому: товар, обмен, меновая стоимость, цена, деньги, труд, заработная плата, прибыль, рента и т. п. Она фиксировала поверхностно очевидный факт: товары создаются трудом, стоимость, ее величина — рабочим временем, затраченным на производство товара. А вот каков он, этот труд, создающий товар, его качественная характеристика и структура, эта школа изначально не принимала во внимание, в него не углублялась. Ее поиски остановились на труде, каким он виделся стороннему наблюдателю, а не исследователю; труде, каков он есть — труде вообще, а не только в сельском хозяйстве, как утверждали в свое время физиократы.

У основателя новой школы в политической экономии — Карла Маркса, источником которой стала английская классическая школа, ее трудовая теория стоимости, труд как целесообразная деятельность человека, направленная на видоизменение предметов природы и приспособление их к потребностям людей, характеризуется большим разнообразием — простой и сложный, частный и общественный, индивидуальный и личный, производительный и непроизводительный, необходимый и прибавочный, конкретный и

абстрактный. Это совокупность разновидностей труда, всякий труд. Всякий же труд выступает прежде всего как взаимодействие человека с природой, ее силами. Но он и неотъемлемое свойство любого социального организма, каждый индивид которого вступает во взаимодействие с другими людьми; это общественное, социальное действие. Раз люди работают друг на друга, их труд получает общественную форму, становится общественным. Таковым является труд раба, крепостного, наемного рабочего, как и рядового общинника, добывающего необходимые блага в совместной трудовой кооперации рода или общины. Названное выше общее свойство общественного труда дополняется проникновением в специфические особенности каждого из них, изучением каждой специфической формы, особенностей ее. Этому требует и философское положение: абстрактной истины нет, она всегда конкретна. Общие абстрактные понятия не позволяют через них вскрыть его специфические особенности, проникнуть в его сущность, понять его. Применительно к названным выше разновидностям общественного труда это будет соответственно труд рабский, крепостной, наемный, общинный (непосредственно общественный, или коммунистический).

А каковы же особенности труда товаропроизводителей, труда, создающего товар? Он выделяется двойственной природой, или двойственным характером. С одной стороны, он конкретный, и как таковой создает потребительную стоимость, с другой же — абстрактный, создающий стоимость. Эти свойства труда, создающего товар, впервые в экономическую теорию ввел К. Маркс, неоднократно подчеркивавший громадную важность осознания этого положения, от которого «зависит понимание политической экономии» (Маркс, Энгельс, т. 23, 50). «Признание труда источником вещественного богатства, — пишет он в другой работе, — никоим образом не исключает непонимания той определенной общественной формы, в которой труд представляет собой источник меновой стоимости» (там же, т. 13, 40).

Специфика этого труда прежде всего в том, что он создает материальные блага для других, или общественную потребительную стоимость, которая проявляется (потребность в ней «этих других» подтверждается) исключительно через обмен продуктов труда как товаров, через куплю — продажу. В этом миллиарды раз повторяющемся акте — признании обществом воплощенного в товаре труда. Абстрактный труд, таким образом, присущ только товарному производству (подробнее об этом см. Янченко, 1983, 55 — 81).

Учением К. Маркса о двойственном характере труда, создающего товар, завершились полуторовековые искания создателей трудовой теории стоимости. Оно по сути дела положило начало политической экономии труда. Именно ему удалось увидеть в труде, создающем товар, две стороны, раскрыть их противоречивое взаимодействие, обнаружить осевую линию развития товара и товарного производства, превращение его в капиталистическое, которое использовало превращение товара в деньги, а денег в капитал, выявило его родословный шифр $D — T — D'$ — этот генетический код капитализма, — и в сложном историческом процессе развития образовало многослойную экономическую систему, вплотную подводящую к социализму, подготовив экономические, политические и духовные предпосылки перехода к социализму как обществу, основанному на труде.

Три тома сочинения К. Маркса «Капитал. Критика политической экономии» представляют собой непревзойденную энциклопедию экономических знаний об исторически сложившейся наиболее развитой системе хозяйства, каковой является капитализм. В них дается критический анализ не только экономической системы капитализма, но и различных экономических школ, их основателей, сопровождавших ее строительство, предлагается цельный взгляд на ее перспективы с точки зрения интересов рабочего класса, исторической задачей которого является уничтожение системы наемного рабства. Логика истории этого строя

выражена в категориях политической экономии, которые находятся в стройной координационной и субординационной взаимосвязи, начиная с товара как исходного отношения.

Научный подвиг К. Маркса, как основателя политической экономии рабочего класса, — непревзойденный вклад в экономическую теорию, духовный фундамент социально-экономического прогресса общества, выработки основ экономической политики трудящихся, их политической организации в государство. Практические успехи рабочего класса в строительстве нового общества, его победы в отражении агрессивных атак капитализма, в том числе с участием вооруженных сил, показали и подтвердили непреодолимую силу марксизма как теоретического воплощения интересов рабочего класса. Это признают и современные идейные защитники буржуазного строя. Более чем столетние попытки буржуазных ученых отвергнуть или опровергнуть экономическое учение К. Маркса лишь подтверждают силу и жизненность созданной им системы экономических знаний, политической экономии рабочего класса. Американский антимарксист М. Вольфсон вынужден был публично признать: «То, что марксова система требует серьезного опровержения, — даже после ста лет совершенствования конкурирующих с нею методов экономической теории, — более важно, чем любая похвала» (Коммунист. 1968. № 7. С. 56). Известный автор учебника «Экономика», выдержавшего ряд изданий, П. Самуэльсон говорил, что Маркс настолько велик, что его нельзя оставить одним марксистам. Другими словами, без Маркса, вопреки Марксу, не может победить в теоретическом сражении ни одна школа политической экономии. Это светящееся и победоносное учение.

Политическая экономия К. Маркса — открытая система экономических знаний, зовущая к продолжению исследований экономических отношений между классами в переломный период смены экономических систем, смены господства капитала господством труда, политической власти буржуазии политической властью трудящихся, рабочего класса.

1.2. Политическая экономия — наука о системах производственных отношений. Понятийный аппарат и метод

Человечество в своем движении по пути социально-экономического прогресса сменило не одну форму социальной организации, в которой и через которую каждый индивид присваивал все необходимое для физической и духовной жизни. Людей соединяют в гражданское общество взаимные экономические связи. Поэтому общество — не сумма людей, а совокупность экономических отношений, которые объединяют их в социальный организм. Без этой совокупности отношений между людьми — экономического фундамента их организации — нет общества. «В общественном производстве своей жизни, — писал К. Маркс, — люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независимые отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» (Маркс, Энгельс, т. 13, 6 — 7).

Эта совокупность производственных отношений общества и составляет предмет изучения политической экономии — единственной из множества гуманитарных наук, которая изучает человека экономического, активного в своих деловых, производственных связях с другими людьми, его роль и положение в данном обществе.

Человек обладает развитой нервной системой и каждый свой шаг в природе и обществе делает осознанно, продуманно, принятому решению подчиняет свою волю и поступки. Но воля и сознание человека

формируются в обществе, развивающемся в определенной системе производственных отношений. Каждое новое поколение, рождаясь, застает готовыми данные формы экономических отношений, и оно должно прежде всего приспособиться к ним, освоить их, чтобы жить. Изменение же самих этих форм происходит не тогда, когда этого пожелает кто-либо, в том числе и государственные деятели или политические партии, а когда в лоне старого строя развиваются зрелые экономические и политические предпосылки таких перемен, то есть когда сложатся и достаточно широко распространятся и упрочатся переходные формы производственных отношений, несущих в себе предпосылки нового экономического строя, когда производительные силы получают расширяющийся простор для своего роста и развития благодаря новым производственным отношениям, освободившимся от устаревших, изживших себя экономических форм, тормозящих рост производства. Люди, таким образом, изменяют производственные отношения, когда созрели для этого условия. Объективное проявляется в субъективном, в осознании и выполнении людьми требований закона обязательного соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил.

Совокупность производственных отношений в политической экономии — это не сумма всех ее элементов, собранных в произвольном порядке, а система взаимосвязанных звеньев в едином жизнедеятельном организме. В чистом виде это система, образующая органическое единство генетически связанных и соответственно по отношению друг к другу расположенных звеньев.

Экономические отношения (связи) между людьми как агентами производства существуют в формах координации и субординации.

Координация означает согласование деятельности индивидов, социальных групп в общественном производстве, целесообразное взаимодействие между ними в объединяющем их общем процессе. Таковым является и обмен между товаропроизводителями своими изделиями через куплю-продажу, и взаимодействие между ними с учетом разделения труда внутри предприятий (подетальная или технологическая специализация), а также между ними (предприятиями) с учетом общественного разделения труда — кооперирование и планирование, планомерные связи производства. В координацию своей экономической деятельности вступают люди примерно одинакового социального положения, имеющие одинаковые возможности или права инициативы.

Субординация (лат. sub+ordinatio — приведение в порядок) — строгое подчинение, т.е. по рангу, нижестоящих вышестоящим. Это ранжирование в политической экономии выражено языком ее понятийного аппарата — экономическими категориями. Верхние ступени занимают категории (и стоящие за ними индивиды, социальные группы), которые возникли из предыдущей. Например, деньги — из товара, капитал — из денег и т. д. Товары лишь «бросают свой ласковый взор» на деньги, чтобы узнать свою цену. Во власти же денег (их собственника) — не только «утвердить» их цену, но и реализовать, купить товар. Промышленный, как затем и финансовый капитал, занимая верхнюю ступень в своеобразной «табели о рангах», играет субординирующую роль в отношении всех им предшествующих отношений (категорий), которая не только не отрицает, а прямо предполагает координацию на всех предыдущих ступенях — товара, денег, денежного (товарного) производитель капитала в выполнении свойственных им функций. Координация и субординация, таким образом, действуют вместе и одновременно.

В системе производственных отношений ведущая роль принадлежит их субординации, которая позволяет высветить действие развивающейся системы от ее исходного до основного производственного отношения и выражающего его суть основного экономического закона того или иного способа производства. Ведь основной экономической закон характеризует сущность данного строя, и ему подчиняются все другие

экономические законы. Таким отношением для капитализма является капитал, а его основным законом — производство прибавочной стоимости.

Поскольку производственные отношения в науке выражаются соответствующими понятиями, категориями, то в субординированных связях находятся и категории политической экономии — каждая должна быть поставлена на свое место. Понять какое-либо явление (особенно экономическое) — значит выразить, изложить его в понятиях данной системы. Ведь истина, по словам Г. Гегеля, это система, а системе свойственна внутренняя организация, взаимосвязь всех элементов. Значит, нельзя понять и глубоко раскрыть какое-либо экономическое явление вне связи с другими категориями. Это свойство любой науки. В химии, например, в изучение свойств вещества входит определение его места в периодической системе элементов Д. И. Менделеева. В политической экономии, где нельзя пользоваться ни микроскопами, ни химическими реактивами, это представляется еще более важным, что первым заметил Ф. Энгельс, прочитав первый том «Капитала». Он писал его автору: «Поздравляю тебя с тем совершенством, с каким самые запутанные экономические проблемы ты делаешь простыми и осязательно ясными благодаря только тому, что они ставятся на надлежащее место и в правильную взаимосвязь» (Маркс, Энгельс, т. 31, 275 — 276).

Современное состояние политической экономии позволяет выделить следующие группы категорий: 1) общие и специфические; 2) первичные и вторичные, производные вообще; 3) классические и переходные; 4) фундаментальные и перенесенные; 5) превращенные и иррациональные.

Общие категории выражают, фиксируют явления экономической жизни, имеющие место во всех обществах. Они так или иначе связаны с производительными силами или являются элементами их. В своей основе это материальный субстрат общественного производства, выступающий в теоретическом осмыслении в обнаженном от специфических социальных форм виде (как материальный остов, своеобразный скелет или итог деятельности), или общие формы производственных отношений, в которых не фиксируются социально-экономические различия агентов общественного производства. Сюда относятся категории типа: производство, труд, средства производства, предметы потребления, продукт, собственность, общественный труд, прибавочный продукт и др. Они выражают отношения, взаимодействие человека с природой, ее силами вообще, или между людьми вообще, вне их социальных ролей. В принципе их можно разделить на экономические категории и категории политической экономии. Последние выражают отношения между людьми, не фиксируя внимания на их социальном статусе, т. е. между людьми вообще. В общих категориях фиксируется то, что свойственно всякому общественному производству.

Может возникнуть вопрос, не выходят ли они (общие категории) за рамки предмета политической экономии? Ведь некоторые из них отражают взаимодействие человека с силами природы, средствами производства в каждом обществе, не фиксируя внимания на специфических особенностях этого взаимодействия, на социальных характеристиках участников общественного производства. Они, однако, важны для политической экономии, поскольку фиксируют то общее, что избавляет от необходимости повторять его в каждом отдельном случае: во-первых, позволяют четко выделить сугубо социально-экономические, политико-экономические отношения для их анализа; во-вторых, они образуют материальный субстрат, материальную основу, на которой складываются политико-экономические отношения, облекающиеся в категории политической экономии.

«Определения, которые действительны для производства вообще, — отмечал К. Маркс, — должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства, которое вытекает уже из того, что субъект, человечество и объект, природа, — одни и те же, не было забыто существенное различие» (Маркс Энгельс, т. 12,

711). Общие экономические категории, как, например, труд как целесообразная деятельность человека, имеют место во всяком обществе. То же касается средств производства. Они всегда участвуют в процессе производства во всяком обществе, хотя характеристика их элементов, уровень развития — различны. Поэтому в политической экономии мы ни на шаг не продвинемся вперед, если будем фиксировать только общие понятия, и использовать только общие абстрактные категории. И дискуссии о прибавочном продукте, например, дали бы несравненно больший результат, если бы диспутанты—исследователи анализировали явления через его специфические формы, первой из которых был бы товар.

«Есть определения, общие всем ступеням производства, которые фиксируются мышлением как всеобщие; однако так называемые *общие условия* всякого производства суть ни что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительно исторической ступени производства» (Маркс, Энгельс, т. 12, 714).

Общие категории в жизни того или иного типа общественного производства выступают не в обнаженной «телесности», а в свойственной данному способу производства социально-экономической форме. «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное» (В. И. Ленин). Например, общинный труд, рабский труд, крепостной труд, наемный труд, абстрактный труд, труд абстрактно-общественный, а также коммунистический. Труд как родовое понятие вместе с его видовой специфической формой.

Средства производства при капитализме выступают в форме постоянного капитала. Не раскрыв природу и сущность капитала, особенно его постоянной части, нельзя понять роль и назначение средств производства в капиталистическом обществе. Развитие общих категорий можно проследить через изменения в их специфических социально-экономических формах. Общие категории политической экономии, таким образом, выступают своеобразным интегрирующим итогом развития специфических форм, через специфические формы. Смысл и назначение общих экономических категорий — в глубоком понимании и выяснении сущностных свойств специфических, видовых социально-экономических форм.

Общим экономическим категориям свойственны и соответствующие им общие экономические законы. Это, прежде всего, законы соотношения производительных сил и производственных отношений, законы перехода от одного типа общественного производства к другому, законы общественного воспроизводства. Само собой разумеется, что политическая экономия того или иного способа производства главное внимание уделяет раскрытию специфических категорий и законов. Надо полагать, что политическая экономия в широком смысле слова, о создании которой мечтал Ф. Энгельс, уделит должное внимание и общим экономическим законам.

Первичные и вторичные, производные вообще экономические категории имеют место в каждой системе производственных отношений. Это такие экономические формы, которые как бы изначально связывают агентов производства: рабочих и капиталистов, помещиков и крепостных крестьян. Барщина при феодализме и прибавочная стоимость при капитализме — категории, характеризующие эти отношения. В них закрепляется социальный статус участников общественного производства в такой мере, что крепостной, например, был обязан отрабатывать барщину в пользу помещика, который принимает этот даровой труд своего крепостного как должное. Он устанавливает его норму: когда и в каких видах нужны такие затраты труда на барина. Последний может варьировать их в зависимости от потребностей барского хозяйства или прихотей господина, а также от возможности использовать крепостного на той или другой работе (столяр, плотник, печник, бортник, различные виды полевых работ).

Барщина как форма эксплуатации по своей сути сохранялась не только в образовавшейся на ее основе вторичной форме — оброк, или рента продуктами, но и третичной — денежной форме феодальной ренты. Ведь и вторая, и третья ступени (формы) феодальной эксплуатации выражают отношения крепостного и помещика, хотя в них и заметны существенные изменения, различия.

Или, к примеру, возьмем прибавочную стоимость. Свое первоначальное (утробное) развитие она получила в простом товарном хозяйстве, где стоимость товара определяется общественно необходимым рабочим временем. Поэтому те, у кого индивидуальное рабочее время меньше общественно необходимого, имеют от продажи своих товаров в денежной оценке больше, чем было затрачено труда. С превращением простого товарного производства в капиталистическое прибавочная стоимость получила простор для самостоятельного развития прежде всего в форме абсолютной прибавочной стоимости, а затем — как относительная прибавочная стоимость (вторичная ее форма) и избыточная как разновидность относительной прибавочной стоимости. Еще большее разнообразие прибавочная стоимость получает в связи с превращением ее, обособлением и самостоятельным существованием в форме прибыли, ренты, процента, торговой прибыли и др. Различные производные отношения от сдельной формы заработной платы образовались в процессе ее развития и практического использования: прямая сдельная, сдельно-прогрессивная, сдельно-премиальная, сдельно-повременная. В этом — одна из причин разнообразия форм производственных отношений или форм собственности и многообразия проявления их на поверхности жизни.

Классические и переходные экономические формы характеризуют зрелое состояние общества, когда оно в своем развитии сформировалось, проявило свои сущностные черты, выявило свои потенциальные возможности.

Каждый социально-экономический организм проходит в своем развитии, как правило, три ступени (стадии):

1. Возникновение и становление, формирование свойственных ему экономических отношений, которые объединяют людей в общество.

2. Зрелое, развитое состояние, когда оно и в жизни и социально-экономических взглядах признано своими успехами во всех областях, а в глубинах его начинают зарождаться экономические формы нового строя как предпосылки последнего, когда в противовес господствующему классу зарождаются, начинают развиваться различные формы борьбы.

3. Разложение и гибель, переход к новой системе производственных отношений на основе развивающихся переходных экономических форм.

Для капитализма, например, первая ступень связана с развитым товарным производством и возникновением капитала, использующего наемный труд; с индивидуальными капиталистическими предприятиями как типичной формой производства, получающими широкое распространение; вторая ступень — утверждение и господство промышленного капитала, эпоха промышленного капитализма; третья — монополистический капитализм, умирающий или переходный к социализму.

В процессе развития общество достигает такой ступени, когда производство не может нормально и успешно функционировать в старых формах, сталкивается с узостью форм распределения и обмена. Эти столкновения доходят до непосредственных участников производства и проявляются в кризисах хозяйства, а также в связанных с ними восстаниях рабов, бегстве крепостных и крестьянских войнах, массовых выступлениях рабочих.

Под воздействием социально-экономических потрясений господствующий строй приспособливает формы эксплуатации к изменившимся условиям. Появляются видоизмененные формы производственных отношений, в которых сочетаются элементы старых и новых экономических форм. Это переходные экономические формы, или переходные производственные отношения, которые, развиваясь вширь и вглубь, содействуют переходу к новому экономическому строю, расширяют экономическую базу для этого перехода, дают возможность обществу подняться на новую, более высокую ступень социально-экономического прогресса.

Фундаментальные и перенесенные экономические категории. К фундаментальным категориям политэкономии относятся такие, которые выражают отношения, обслуживающие не только процессы производства, но и обмена, распределения и потребления. Они характеризуют общественное производство на всех ступенях возобновления. Поэтому нельзя, например, товар, стоимость, зарплату и т.д. считать категориями только производства или обмена, или распределения (зарплаты). Они причастны к общественному производству как самовоспроизводящемуся, возобновляющемуся. И каждое из отношений, обслуживающих весь процесс, совершает свой круговорот, возвращаясь к исходному пункту.

Система фундаментальных категорий обслуживает воспроизводственный процесс всего общественного производства снизу доверху, во всем объеме как отдельного, индивидуального, так и всего совокупного капитала. Фундаментальные категории дают ориентир для отграничения экономических отношений, не охватывающих своим движением четыре фазы общественного производства. Это перенесенные, как бы «пересаженные» с фундаментальных на другие отношения, которые внешне не отличаются от фундаментальных. И по перенесенным категориям (отношениям) нельзя анализировать экономический строй, его сущностные свойства.

В простом товарном хозяйстве, например, крестьянин производит товары, обменивает их на нужные ему изделия. Товар, меновая стоимость, стоимость выступают фундаментальными отношениями. Но часть произведенного продукта крестьянин оставляет себе: зерно, овощи и др., которые товаром не являются, ибо в обмен не поступают. И если крестьянин продает 500 кг зерна по 100 руб. за центнер, оставляя для своих нужд 200 кг, то он их оценивает как и проданное зерно — по 100 руб. за 1 ц. И эта оценка может иметь неформальное значение, ибо ее можно использовать в реальных экономических расчетах. Если этот крестьянин заметит, что производство таких культур, как хлопок или сахарная свекла, дает в денежном выражении с 1 га больше, чем, например, пшеница, то он переключится на производство более выгодных культур, а необходимую для себя пшеницу будет покупать на рынке.

Или сопоставим зарплату рабочего и шофера, или другого слуги капиталиста. Зарплата наемного рабочего представляет собой цену его рабочей силы — единственного принадлежащего ему товара. Товар этот воспроизводится вновь и вновь путем потребления необходимых благ, купленных за полученную цену рабочей силы. Категория фундаментальная. Этого не скажешь о доходе шофера или секретаря капиталиста, хотя их «жалованье» выступает денежной зарплатой. Шофер не создает товаров, а значит, — стоимости и прибавочной стоимости. Его зарплата — перенесенная категория — лишь внешне своей денежной формой похожа на заработную плату наемного рабочего, создающего капиталисту товары, воплощающие в себе стоимость и прибавочную стоимость. От зарплаты шофера не отличается зарплата учителя, полицейского, юриста, артиста — любого представителя огромной надстройки буржуазного общества.

Через перенесенные экономические категории капиталистическое общество использует и природные ресурсы: сырье, лес, рыбу, минералы, целебные источники и т. п. Они — не продукты труда и не имеют стоимости, но имеют цену. Это перенесенная цена — оценка в денежной форме даров природы.

Фундаментальные и перенесенные производственные отношения в совокупности образуют социальную ткань, охватывающую и сферу производства, и надстройку. Они и в надстройке отражают интересы капиталистов, буржуазных производственных отношений. Надстройка же, поддерживаемая экономическим базисом, обслуживает базис моральными, политическими, научными, правовыми идеями и соответствующими им учреждениями.

Превращенные и иррациональные формы экономических отношений. В процессе развития системы производственных отношений происходит совершенствование их форм, используемых в общественном производстве, возникновение одних форм из других или превращение одних в другие. Так, из эквивалентной формы стоимости товара возникают деньги как всеобщий эквивалент. Деньги являются превращенной формой товара, сохраняют в себе товарную основу, но приобрели свою специфическую особенность — стали выполнять роль эквивалента стоимости товаров, служить мерой стоимости и средством обращения всех товаров. В процессе развития товарного производства и денежного обращения деньги превратились в капитал. В этом превращении развитие денег, их форм сыграло столь важную роль, что можно с полным основанием сказать: без денег возникновение капитала невозможно. И они даже своей формой сохраняются в капитале — денежный капитал, либо как стадия в его кругообороте.

В системе производственных отношений капитализма превращенные формы получили широкое распространение — зарплата является превращенной формой стоимости и цены рабочей силы, цена производства — превращенной формой стоимости товара, прибыль — превращенной формой прибавочной стоимости и др.

Превращенные формы, в известной мере, прикрывают, маскируют свои корни и сущностные свойства, которые унаследовали от породивших их форм. Это ставит перед исследователем задачу установления их генетических связей, чтобы не принять поверхностные формы производственных отношений за сущностные, коренные, что может создать у исследователя неадекватное восприятие действительности, иллюзорную картину. В этой связи надо обратить внимание на так называемые иррациональные формы производственных отношений, которые трудно поддаются пониманию в контексте других экономических форм, не вкладываются в логические причинно-следственные связи, а в реальных экономических отношениях находят место и проявление. Например, в политической экономии часто используются категории **цена труда**, **цена земли**. Политическая экономия давно знает **стоимость** товара как характерную для товарного производства категорию. Цена и есть денежное название, выражение стоимости. А как же быть с ценой труда, если труд не товар и стоимости не имеет? Что же выражает его цена?

В практике развитых товарно-денежных отношений приходится рассчитывать с человеком, который работал, например, три часа (мелкий ремонт). На основе дневной цены рабочей силы вычисляют «цену» одного часа труда и умножают на число отработанных часов. Но это не снимает алогичности категории **цены труда**, и понятие это называется мнимым, иррациональным. То же касается **цены земли**, которая не является продуктом человеческого труда, в противоположность любому товару. Она — часть окружающей нас природы, ее создание. Однако при капитализме земля продается и покупается, имеет цену, которая является не денежным выражением стоимости, а капитализированной земельной рентой.

Иррациональные категории в политической экономии подобны иррациональным числам в математике. Это реальные величины, реальные явления. Алогичность их в том, что они не выводятся логически из описываемых отношений, не имеют генетической основы превращения одних категорий в другие, а как бы привносятся из другого круга отношений и отражают практику решения трудных задач. В условиях господства товарно-денежных отношений могут продаваться и покупаться такие далекие от товаров духовно-нравственные ценности, как совесть и честь, когда мерки стоимостных отношений (деньги) переносятся на моральные устои людей.

Всякая система производственных отношений, объединяющая производителей материальных благ на данном историческом этапе, развивается вширь и вглубь, во времени и пространстве, в результате чего образуется своеобразная многослойная социальная пирамида, или структурная многоступенчатая лестница, по которой общество поднимается с одной ее ступеньки на другую, с первой до последней. Многолетние исследования капиталистического общества позволяют сегодня описать его языком политической экономии примерно следующим образом.

Первой ступенью его является **простое товарное производство (Т — Д — Т)**, основанное на труде самого товаропроизводителя, каким исторически были все ремесленники и свободные крестьяне. Оно развивается на основе закона стоимости, регулирующего обмен товаров по стоимости, как эквивалентов, признаваемых продавцом и покупателем. Оно неизбежно «рождает» капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» (Ленин, т. 41, 6). Из него постепенно, но неуклонно развивался капитализм, используя наемный труд и основанную на нем простую капиталистическую кооперацию, ее классическую форму — мануфактуру и фабрику. Сложился **промышленный капитализм**, как единство его трех функциональных форм — денежного, производительного и товарного капиталов. Теоретическому анализу экономической системы промышленного капитализма К. Маркс посвятил три тома своего основного труда «Капитал». Он характеризовал его как «единственный способ существования капитала, при котором функцией капитала является не только присвоение прибавочной стоимости... но... и ее создание. Поэтому промышленный капитал обуславливает капиталистический характер производства; существование промышленного капитала включает в себя наличие классовой противоположности между капиталистами и наемными рабочими» (Маркс, Энгельс, т. 24, 65).

В дальнейшем развитии промышленного капитала (и для этого развития) от него обособились торговый капитал и ссудный капитал, которые дали могучий импульс росту всего капиталистического производства. На основе обособившегося ссудного капитала сложилась и развилась банковско-кредитная система, которая составляет «переходную форму к новому способу производства» (Маркс, Энгельс, т.25, ч. 1, 485).

Следующей важной ступенью капиталистического предпринимательства было распространение совместных крупных и крупнейших предприятий, объединяющих взносы их многочисленных участников, — акционерные общества и кооперативные предприятия, практическую деятельность которых обслуживают наемные управляющие — менеджеры. Это прямой вызов частнокапиталистическому индивидуальному предпринимательству. «Капиталистические акционерные предприятия, как и кооперативные фабрики, следует рассматривать как переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному» (Маркс, Энгельс, т. 25, ч. 1, 484).

Возникшие на основе накопления капитала, его концентрации и централизации крупные и крупнейшие капиталистические объединения — монополии, приобретшие на рубеже XIX и XX ст. решающее

значение в экономической жизни, — характеризуют следующую ступень в развитии капитализма: его монополистическую стадию. Ее характерные свойства: концентрация производства и капитала поднялась на небывалую высоту, появились монополистические холдинги, объединяющие деятельность ряда монополий-спрутов; усилились интеграционные процессы на основе слияния банковского и промышленного капитала и образования финансового капитала, опутавшего своими нитями связей и зависимостей все отрасли экономики, все капиталистические страны; приобрел громадное значение и роль вывоз капитала в другие страны; образовались и получили невиданное развитие международные монополистические объединения; завершилось формирование колониальной монополии. Сложилось мировое капиталистическое хозяйство, звеньями которого стала экономика отдельных государств. Для эпохи промышленного капитализма характерно образование и использование мирового рынка; для эпохи монополистического капитализма (империализма) — мировое капиталистическое хозяйство. На почве развития монополистической плановости происходит подрыв основ товарного хозяйства, на основе которого вырос промышленный капитализм. «... Монополия, вырастающая из капитализма, — писал В. И. Ленин, — есть уже умирание капитализма, начало перехода его в социализм» (Ленин, т. 30, 165). Империализм как система переходных к новому строю производственных отношений отрабатывает в противоположность стоимостной, рыночной новую систему планомерного хозяйствования, пригодную и необходимую для этого нового социально-экономического строя. Он поднимает эту систему на уровень государственного регулирования экономики. Складывается государственно-монополистический капитализм (ГМК) — последняя ступенька исторической лестницы капитализма и полнейшая материальная подготовка перехода к новому, социалистическому строительству экономики, перехода к социализму. «Социализм есть не что иное как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией» (Ленин, т. 34, 192). Следует отметить, что каждая новая ступень в развитии капитализма отрицает старые, предыдущие, но не устраняет их из реальной действительности, что усложняет противоречивый характер развития экономического строя.

Даже беглый взгляд на представленную здесь систему капиталистических производственных отношений дает возможность заметить, что исходным отношением в этой системе является товар. С товара, как известно, К. Маркс начинает изложение своей экономической теории в «Капитале». Из товара возникают деньги и все последующие экономические категории, которыми характеризуется вся система, которые имеют денежно-стоимостную окраску и являются ступенями развития стоимости. И капитал предстает как самовозрастающая стоимость.

Метод логической абстракции позволил представить развитие экономических явлений в чистом виде, капитализма без примесей, усложняющих видение и понимание объективно обусловленных процессов. Этот метод позволил исторические отклонения поставить в правильную логическую связь, когда они из исторических предшественников промышленного капитала (купеческий и ростовщический капитал) превратились в обособившиеся части развившегося на собственной основе промышленного капитала — торговый капитал и ссудный капитал.

Как никто до него, Маркс дал великолепный анализ экономических форм, характеризующих капитализм. Диалектика была его постоянным инструментом проникновения во внутреннюю суть явлений, и владел он ею безукоризненно, не формально, а как **методом** познания. В процессе исследования он даже не называет этот метод и никаких похвал ему не воздает, как это часто делали не так давно в т. н. популярной литературе. Он (метод) в самом исследовании как его внутреннее свойство, и похвалу ему воздает каждый, кто познакомится и осмыслит результат исследования от товара до воспроизводства общественного капитала,

средней прибыли и ренты. Везде раздвоение единого и познание противоречивых частей, расчленение исследуемого явления на структурные элементы, изучение противоречий между ними и их взаимосвязи. Анализ не завершается расчленением предмета. Он продолжается синтезом обособившихся частей в новое целое, интеграционные процессы, будь-то в промышленном капитале его структурных частей (денежного, производительного и товарного капитала) или в финансовом капитале банковского и промышленного. Финансовый капитал — новое явление в политической экономии капитализма и отличается не столько масштабом, но и качественно новым уровнем всей деятельности, свойственными ему (финансовому капиталу) операциями как внутри страны, так и за ее пределами.

Политическая экономия имеет дело с таким материалом, на котором живут, обособляются и развиваются различные социальные группы людей, имеющих свои интересы во взаимоотношениях с другими группами людей. Они очень часто не только не совпадают, но и противоречат друг другу. Это находит свое отражение и в теоретическом осмыслении экономической жизни, в наличии различных школ, взаимоотношения между которыми противоречивы, наполнены борьбой. «Своеобразный характер материала, с которым имеет дело политическая экономия, вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души — фурий частного интереса» (Маркс, Энгельс, т. 23, 10).

1.3. Экономическая политика — практическая политэкономия в действии

Выделившись из совокупности экономических наук, несущих свет добытых знаний в различных исторически определенных обществах, политическая экономия концентрирует внимание на анализе социально-экономических форм общественной жизни, каковыми являются общинный строй, рабовладельческий и феодальный способы производства, капитализм, коммунизм. Она вскрывает внутренне присущие им законы жизнедеятельности и организации людей в обществе, исторические возможности этих форм обеспечивать социальный прогресс и закономерности превращения одних в другие в силу присущих и развивающихся в них противоборствующих социальных сил, противоречий, сотрясающих общество в реальной исторической действительности.

Экономические законы не адресованы персонально к каждому индивиду. Как общие для всех, связанных между собой членов единой ассоциации, выполняющих самые разнообразные работы, они (законы) существуют и действуют сообща. Значит, в обществе всегда есть и должны быть люди, которым принадлежит право инициативы организации общественного труда, той или иной формы общественного производства и получения соответствующего результата совместной деятельности. Для всей массы трудящихся использование экономических законов и стимулов — в процессе общественного труда. Но последний включает в себя четыре фазы (производство, распределение, обмен и потребление), которые характеризуют его во всем объеме. В общественном труде важен не столько сам процесс созидания, а и его результат, его плодотворность и использование результатов самими людьми, участниками общественного производства, что является довольно-таки не простой задачей. Это замечено давно и не случайно. Н. А. Некрасов писал: «... а чуть работа кончена, глядишь — стоят три дольщика — бог, царь и господин».

Организация общественной жизни как и общественного производства иницируется вождями племени или советами старейшин, а с возникновением классового общества — государством, т.е. его (общества) политической организацией. Неотъемлемым атрибутом всей жизни общества становится экономическая политика, организация социально-производственной, экономической деятельности людей, всего общества,

всей страны. Успех в этой поистине титанической деятельности государства зависит от степени адекватности использования им действующих в данном обществе экономических законов, понимания и умения приспособить эту деятельность к использованию их требований, определившихся или перспективных экономических тенденций. Экономическая политика, таким образом, — это форма использования всей совокупности экономических законов общества, которая к тому же не может быть постоянной, закостенелой, неизменной. Она должна умело и своевременно приспосабливаться к назревшим прогрессивным изменениям в экономическом развитии общества, поддерживать их политически, выделяя ведущие звенья в развитии экономики, не только не нарушая, а всемерно поддерживая общую сбалансированность экономической жизни.

Важность этого момента в жизни общества заметили уже древние ученые, которые политику считали величайшим искусством. «Самым значительным видом искусств, который по праву может быть назван искусством гениального художника, является искусство политики», — писал Аристотель.

«Если конечной целью всех наук и искусств является благо, то высшее благо есть преимущественная цель самой главной из всех наук и искусств, именно политики», — свидетельствует еще раз Аристотель. Эти две цитаты взяты эпиграфом к изданному в 1997 г. в Москве сочинению великого мыслителя древности «Политика. Афинская политика».

В приведенных словах тем не менее нет преувеличения. В них содержится скорее строго взвешенная и точная фиксация выверенного историей опыта политической жизни современных автору государств с их успехами, победами и провалами, поражениями. Ведь политика обращена в будущее, в перспективу движения общества, государства, которая совершенно не прозрачна и далеко не каждому вырисовывается из прошлого и настоящего. И люди, которым судьба доверила формировать политику и формулировать ее задачи, лозунги, которые они декларируют, должны четко схватывать идущие из глубин общества объективные социально-экономические силы, которые развернут свою деятельность завтра, в дальнейшем, в близком и далеком будущем.

А это прежде всего экономические законы развития общества. Знание этих законов, их системы, их характера действия, особенно в системе их взаимосвязей и взаимодействия, облегчает государственным политическим деятелям осознанное нахождение наиболее надежных и перспективных ориентиров в политике, в которой должна ощущаться их воля и жизнеутверждающая сила. Без этого политика обречена на провал.

Положение это остается в силе и для уже сложившегося общества с четко определенными социально-экономическими формами, объединяемыми действием основного экономического закона, определяющего цель и движущий мотив развития общества, четко выраженный ориентир. Он ведь действует не сам по себе, в одиночку, а в данной системе производственных отношений, которую надо знать в движении, развитии, при видоизменении тех или иных ее форм. Политика подобна действующему симфоническому оркестру, который не может слаженно работать без опытного и знающего партитуру дирижера. Своеобразная партитура нужна и политику как соответствующим образом оформленный материал для его повседневной практической деятельности и всегда в практике бывает успешной, если в ее подготовке, оформлении и осуществлении принимают самое активное участие первое лицо в политике — государь, царь или король, премьер-министр или президент. Ведь король не просто царствует. Он управляет государством — до тех пор и царствует. Для этого высокого ранга управления (обществом, государством) нужно обладать фундаментальными научными знаниями, особенно в области политической экономии. Ведь политическая экономия является теоретическим фундаментом экономической политики. Настоящим, или как говорят

«милостью божьей» политиком будет тот, кто с пониманием может абстрактные законы и категории политической экономии перевести на язык практических социально-политических действий масс данного общества, страны на определенном этапе их развития. Поэтому и говорят, что экономическая политика является практической политэкономией, или политической экономией в действии, между прочим, в этом практическом действии экономической политики и происходит проверка тех или иных положений политической экономии, накапливается фактический материал для дальнейшего углубленного осмысления отдельных теоретических положений непосредственно в политической экономии.

Выработка адекватной экономической политики особенно сильно усложняется в так называемые переходные эпохи, переходные периоды развития общества, когда в реальной действительности действуют экономические законы смежных эпох. В экономической политике надо учесть это обстоятельство, чтобы прежде всего не противодействовать, а всемерно поддерживать нарождающийся экономический строй, с одной стороны, и использовать имеющиеся место экономические стимулы роста производства старого строя, с другой стороны, чтобы не обострять социальные конфликты, создавая возможность более или менее спокойного разрешения экономических противоречий.

ЛИТЕРАТУРА

Аникин А. В. Юность науки. 2-е изд. М., 1975.

Аристотель. Политика. Афинская политика. М., 1997.

История русской экономической мысли: В 26 т. / Под. ред. А. И. Пашкова М., 1955-1958. Т. 1. Ч. 1-2.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 30, 34, 41.

Маркс К. К критике политической экономии. М., 1950.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12, 13, 20, 23, 24, 25. Ч. 1, 31.

Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения: В 5 т. М., 1955. Т. 1.

Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. М., 1962.

Янченко С. Е. Налог с оборота: Теоретический очерк. Мн., 1983.